

Антон Коваль
(методист I категорії **Отдела экскурсионно-массовой
и методической работы МИДЦ**)

ЖИТИЕ ИОАННА БОСОГО (ИВАНА ИВАНОВИЧА РАСТОРГУЕВА)

Актуальность статьи заключается в том, что Иоанн Босой, киевский юродивый, в народе почитаемый как святой XIX в., имеет прямое отношение к Десятинному собору, так как являлся прихожанином этого храма. До прихода советской власти Ивана Ивановича Расторгуева знали не только в Киеве, но и далеко за его пределами, так как он занимался благотворительностью, кормил ежедневно более 200 человек. За советом к нему шли не только простые люди, но и высокопоставленные чины. В статье изложены некоторые неизвестные ранее подробности жизни известного в XIX в. подвижника благочестия Христа ради юродивого Иоанна Босого I.

Материалом для исследования послужили данные Центрального государственного исторического архива Украины, Главного архивного управления Рязанской области, работа иеромонаха Евстратия (Голованского) «Старец Вонифатий и его поучения...», «Киевские епархиальные ведомости» и другие источники.

Ключевые слова: Десятинный собор, Десятинная церковь, Андреевская церковь, Христа ради юродивый, Киев, Щекавицкое кладбище, благотворительность.

Актуальність статті полягає в тому, що Іван Босий, київський юродивий, у народі шанований як святий XIX ст., безпосередньо пов'язаний з Десятинним собором, оскільки був прихожанином цього храму. До приходу радянської влади Івана Івановича Расторгуєва знали не тільки в Києві, але й далеко за його межами, оскільки він займався благодійністю, годував щодня більше 200 осіб. За порадою до нього йшли не тільки прості люди, а й високопоставлені чиновники. У статті викладено деякі невідомі раніше подробиці із життя відомого в XIX ст. подвижника благочестя Христа ради юродивого Іоанна Босого I.

Матеріалом для дослідження стали дані Центрального державного історичного архіву України, Головного архівного управління Рязанської області, праця ієромонаха Євстратія (Голованського) «Старець Воніфатій і його повчання ...», «Київські епархіальні відомості» та інші джерела.

Ключові слова: Десятинний собор, Десятинна церква, Андріївська церква, Христа ради юродивий, Київ, Щекавицьке кладовище, благодійність.

¹ «Юродивые – люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия – юродство о Христе. Они не только добровольно отказывались от удобств и благ жизни земной, от выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но принимали на себя вид безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, позволяющего себе иногда соблазнительные действия. Эти подвижники не стеснялись говорить правду в глаза сильным мира сего, обличали людей несправедливых и забывающих правду Божию, радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных» [7, с. 421].

Иван Иванович Расторгуев родился 29 августа 1800 года (по ст. ст.) в городе Зарайске Рязанской губернии Российской империи. В метрической книге Благовещенской церкви города Зарайска имеется о нем актовая запись № 9, согласно которой его отец – Иван Константинович Расторгуев, мать – не указана (см. ил. 1) [3].

Главное архивное управление Рязанской области
Государственное казенное учреждение Рязанской области
**«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ»**
(ГКУ РО «ГАРО»)
ул. Державина, 9-д, г. Рязань, 390027
Тел. (4912) 45 67 61, 45 57 08, тел/факс 45 54 54
e-mail: garo@mail.ryazan.ru

АРХИВНАЯ СПРАВКА

16.01.2013	№	ТЦ-2929
На №	от	
г. Рязань		

О рождении Расторгуева Ивана Ивановича

В документах архивного фонда Рязанской духовной консистории в метрических книгах Благовещенской церкви города Зарайска Рязанской губернии за 1800 год имеется актовая запись № 9 о родившемся мужского пола.

Имя родившегося: Иван
Дата рождения: 29 августа 1800 года (старый стиль, дата – так в документе)
Дата крещения: 29 августа 1800 года (старый стиль)
Родители:
Отец: Иван Константинович Расторгуев
Мать: не указана

Основание: ГАРО. Ф.627. Оп.243. Д.27. Л.182 об.

Директор		Т.П. Синельникова
Зав. отделом		Г.К. Гольцева

Исполнитель:
Астахова Ольга Валентиновна
(4912) 45-57-08

Ил. 1

Основные сведения о жизни Иоанна Босого были собраны и описаны иеромонахом Евстратием (Голованским) в труде «Старец Вонифатий и его поучения...», изданном в 1873 году [см. 4].

Иеромонах Евстратий лично общался с духовником Иоанна Босого – протоиереем Десятинной церкви Петром Гороновским, в приходе которого жил подвижник. Приводим его свидетельства:

«В сороковых годах, сказал отец протоиерей, в той местности, где теперь находятся присутственные места, находились ветхие домики моих прихожан. Один благочестивый мещанин той местности принял к себе бесприютного Иоанна Босого. Иоанн Босой увидел у этого мещанина развалившийся погреб, ископал в нем небольшую пещеру и в оной поселился для своих благочестивых подвигов.

Он был прихожанином Десятинной церкви. Однажды в самый лютый мороз пришел он в Десятинную церковь на всенощную накануне праздника святителя Христова Николая – пришел босым, без шапки и в халате и простоял с благоговением на коленях всю всенощную². После всенощной был в моем доме. Он рассказывал, что он мещанин города Зарайска Рязанской губернии и неграмотный.

После сего благочестивый капитан Протасов в Лыбедской части города Киева принял к себе Иоанна Босого, отвел ему весь нижний довольно обширный этаж своего дома для его благочестивых подвигов. В новом помещении Иоанн Босой принимал и покоил странников и бедных. После сего Иоанн Босой нанял оба этажа прежде жилых комнат под Киево-Андреевскою церковью, – комнат, которые служат как бы основанием Андреевской церкви» [4, с. 140–141].

О благотворительной и духовной деятельности Иоанна Босого в период его жизни в цокольном этаже Андреевской церкви свидетельствует диакон этого храма:

«Иоанн Босой, наняв комнаты прежде жилья в двух этажах под Киево-Андреевской церковью, пришел сюда от благочестиваго капитана г. Протасова, жившаго в Лыбедской части. Оба этажа служили и служат с западной стороны как бы основанием Киево-Андреевской церкви. В это время пришел к нему Дамиан, бывший свечепродавец в Троицкой церкви на старом Киеве, а теперь славный подвижник и строитель скита Феофании игумен о. Вонифатий (ныне прославлен Церковью в лике преподобных) – пришел, как слышно было, с деньгами и сделался учеником Иоанна Босого в христианских добродетелях. Нанятые ими комнаты разделены были на шесть отделов. В первом отделе жили калеки мужского пола, во втором отделе – калеки женского пола, в третьем отделе для них, для бедных и странников, – трапеза, таковых трапезовало каждый день более двухсот; в четвертом отделе были поварня и хлебная, в пятом отделе находились съестные припасы, в шестом отделе были келлии Иоанна Босого и ученика его Дамиана. Келлия Иоанна Босого была посредственная, не большая и не малая, вся

² Вероятно, подвижник молился о киевлянах, погибших под руинами Десятинного собора во время нашествия монголо-татар 19 декабря (по ст. ст. 6 декабря) 1240 года. «Тогда ни пол, ни возраст, ни достоинства не были варварами уважаемы, ...все было ниспровергаемо, сожигаемо, опустошаемо, так что едва малая часть могла избежать смерти» [1, с. 34]. Так же в 2013 году накануне праздника святителя и чудотворца Николая был совершен поджег малого Десятинного храма в честь святых равноапостольных князя Владимира и княгини Ольги.

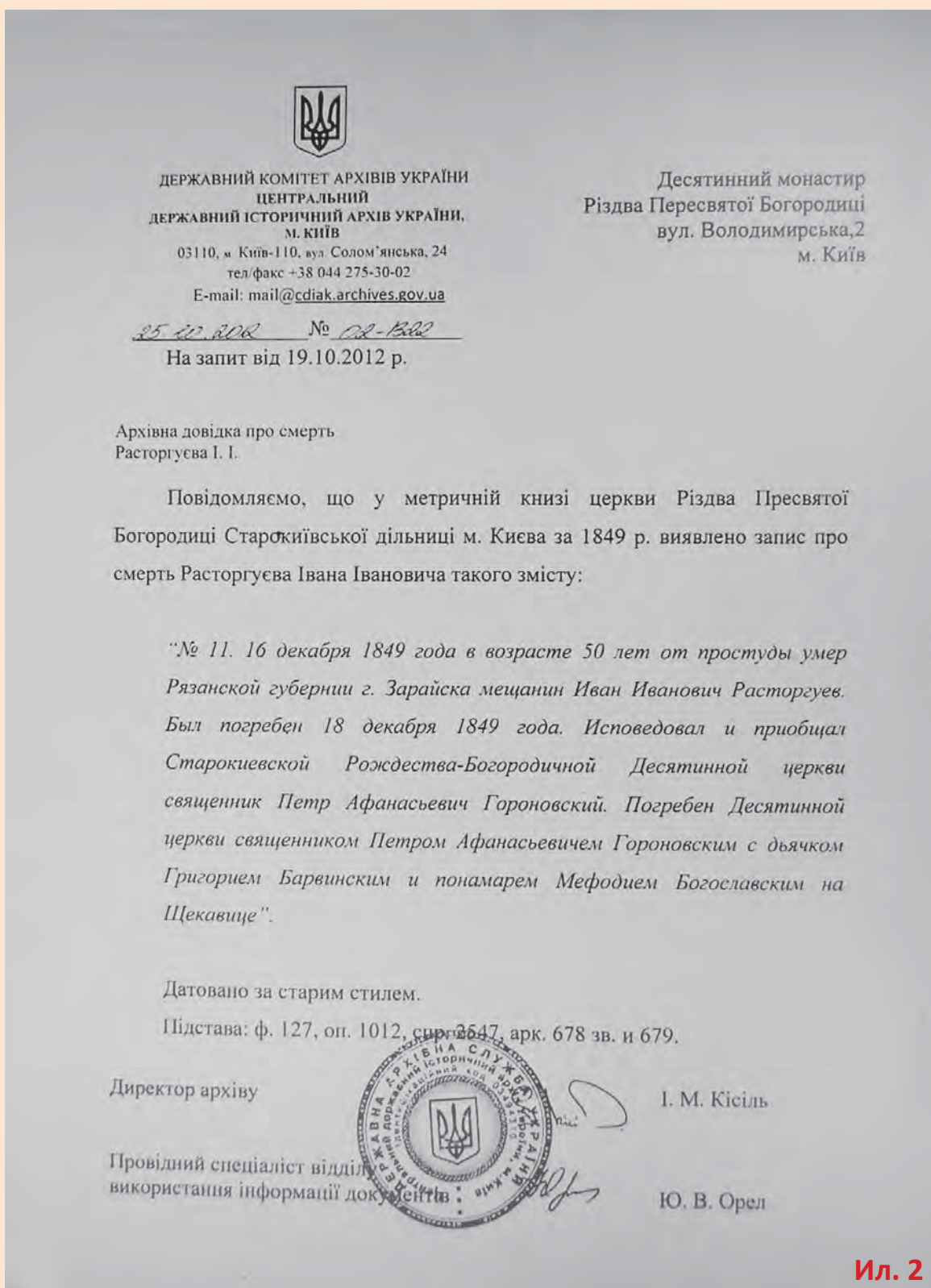
от потолка до стола со всех сторон была улепетствована иконами разных размеров и достоинств, пред некоторыми из них теплились неугасаемые лампы. В переднем углу сей келлии лежал на полу камень в два пуда, о который Иоанн Босой во время ночных своих молитв полагал земные поклоны, от чего на лбу его сделался нарост величиною с куриное яйцо. Иоанн Босой носил вериги почти в пуд, заклепанные на нем навсегда, а другия чугунныя полторапудовыя вериги висели у него на стене в келлии. По смерти Иоанна Босого последняя вериги достались ученику его Дамиану, теперешнему игумену о. Вонифатию. Куда и на что он употреблял сии вериги, мне неизвестно, а то известно, что о. Вонифатий никогда не носил вериг.

В сем богоугодном заведении оба они принимали калек, бедных и странников; кормили их и покоили. Слава о их благочестивых подвигах распространилась далеко; вследствие чего боголюбцы почти со всех сторон России присылали им немалыя деньги на богоугодныя дела. Иоанн Босой употреблял их часть на странноприимность и благотворительность, а другую часть употреблял на нужды бедных церквей. Даже устроил два большие ящика, набитые разными церковными священными облачениями, один патриарху Александрийскому, а другой Антиохийскому; но за своею смертию не послал их, а послал по назначению ученик его Дамиан. При жизни Иоанн Босой сказывался неграмотным; но по смерти его оказались книги, по которым он ночью молился Богу, оказалась немалая тетрадь, в которую он вписывал имена жертвователей. Он жил под Киево-Андреевскою церквю не более года. Он умер в Рождественский пост. До смерти его была ненастная погода, а когда он умер, стояла погода благоприятная и таковая оставалась до погребения его тела. Тело его торжественно погребено на Щекавице; за телом его шли тысячи жителей Киева разных сословий. По смерти Иоанна Босого, по его завещанию, принял на себя странноприимницу ученик его Дамиан» [4, с. 441].

В метрической книге Десятинной церкви записан Акт его погребения под № 11: «16 декабря 1849 года в возрасте 50 лет от простуды умер Рязанской губернии г. Зарайска мещанин Иван Иванович Расторгуев. Был погребен 18 декабря 1849 года. Исповедовал и причащал Старокиевской Рождества-Богородичной Десятинной церкви священник Петр Афанасьевич Гороновский. Погребен в Десятинной церкви священником Петром Афанасьевичем Гороновским с дьячком Григорием Барвинским и понамарем Мефодием Богославским на Щекавице» (см. ил. 1, 2) [2].

По свидетельству самого протоиерея Петра Гороновского, «Иоанн Босой заболел, меня призвали его напутствовать. Я его исповедовал, совершил над ним Елеосвящение и приобщил Христовых Тайн. Скоро после сего Иоанн Босой умер смертью праведника. До смерти его были сильные морозы с заметелью, а когда он умер, то сделалась оттепель и стояла хорошая погода. На погребение его стеклось великое множество народа разных сословий тысячами, его погребли на Щекавице в веригах, залитых на нем навсегда, положив в возглавие его тот камень, о который он полагал поклоны, от сего сделался нарост на лбе его величиною с куриное яйцо. Его погребал ректор семинарии (архиепископ Антоний (Амфитеатров))³ со многими священниками г. Киева, в числе коих находился и я. Акт погребения его записан в метрической книге Десятинной церкви.

³ Тогда еще в сане архимандрита.

После того, когда я погребал мертвецов моего прихода, то видел, что жители г. Києва и дальние богомольцы, помолившись над могилой Иоанна Босого о упокоении души его, брали по горсти земли из его могилы и отправлялись в свои дома.

Через несколько времени приходила ко мне жена Иоанна Босого с дочерью девицею, и не скорбели, что он их оставил, возлюбив Господа Бога паче всего. Он был не то что юродивый, а был подвижником Христовым в собственном смысле этого слова: возлюбив Бога паче всего, а ближних как сам себя. Если угодно будет Господу Богу прославить своего праведника, то он прославит его видимо» [4, с. 141].

Приводим случаи благодатной помощи по молитвам Иоанна Босого при его жизни и по упокоении.

Пономарь Киево-Андреевской церкви рассказал об Иоанне Босом следующее:

«Когда я был в Голосеевской пустыни псаломщиком, тогда меня послали в Киев купить некоторые вещи, которые употребляются при богослужении. Купив нужные вещи на Подоле, думал возвратиться в свою пустынь через старый город и, подъезжая к подъему Андреевской дороги, вижу, против меня идет человек без шапки, в халате и босой и тут же на моих глазах пал о ледяную дорогу, отчего на лбе его сделалась рана, и из раны струилась кровь ручьем. Я в то же мгновение соскочил с саней и, имея на себе под верхнюю одежду утыральник, начал унимать струившуюся кровь и обвязал голову упавшего человека утыральником. Человек, пришедши в чувство, обратился ко мне и сказал: “Спасибо тебе за помощь, Иулианушка! Будешь и ты в Киево-Андреевской церкви и – будет тебе хорошо”. Я удивился, как этот человек, видящий меня в первый раз и я его тоже, назвал меня моим собственным именем Иулианом? Приехавши в пустынь, я рассказал своим товарищам о сем происшествии. Товарищи все единогласно сказали, что это никто иной, как удивительный юродивый Иоанн Босой. Скоро сбылись на мне слова Иоанна Босого. Проживши еще некоторое время в Голосеевской пустыни, я женился, и действительно определен был пономарем к Киево-Андреевской церкви, при которой служу уже несколько лет, имею четырех сынов, из коих два в придворном хоре, и живется мне хорошо... Даже я живу в том отделении, где жил Иван Босой. Да, я еще забыл одно сказать: я Иоанна Босого особенно благодарю за то, что он лечил моих детей. Бывало, двое, трое детей моих заболеют от лихорадки, я, не употребляя никаких медицинских средств, прямо иду к могиле Иоанна Босого и, взявши землицы из его могилы, приношу домой; жена, поделавши из оной узелки, привязывает их на шеях больных детей. После сего мы молимся: Господи Иисусе Христе, молитвами труженника Твоего Иоанна Босого свободи детей наших от болезни. На другой день дети наши освобождены от болезни» [4, с. 142].

В «Киевских епархиальных ведомостях» помещена статья господина И. Максимовича об Иоанне Босом:

«Если желаете знать, кто такой Иоанн Босый, зайдите на Щекавицкое кладбище в какой-нибудь из праздничных дней или воскресных, когда на кладбище бывает довольно народа, или в поминальный. Вы составите себе не особенно полное и ясное, но зато надлежащее понятие о нем – об этом человеке, о среде, которая находится с ним в известных отношениях, о характере последних в самом процессе их образования, и, владея таким понятием, будете иметь возможность указать явление, которое предстанет пред вашим религиозно-проницательным взглядом, то место в ряду явлений подобного рода, какое ему принадлежит по его праву, т. е. по его внутреннему значению и достоинству, а не другое какое-нибудь. Войдите на наше кладбище через каменные ворота, что с

архангельской трубой наверху, и тотчас же поверните налево по дороге, прилегающей около самого забора. Вам придется пройти по этой дороге шагов двести, потом взять вправо шагов тридцать по небольшой извивающейся тропинке. В той местности, куда вы прибыли, нет богатых надгробных памятников, мраморных или чугунных с золотыми надписями, а есть только кресты деревянные и возле крестов деревянных могильные земляные насыпи.

Между могильными земляными насыпями ваше внимание остановится на одной – не похожей на другие. Эта могильная насыпь не обложена дерном и земли на ней так мало, что если бы вы пожелали выровнять ее, то, прежде всего должны были бы наносить откуда-нибудь земли. О ней как будто некому заботиться... Но отчего же возле этой могильной насыпи так утоптано? И что это за узелки на ней и около и что в них? – И крест могильный, стоящий у этой особенной насыпи, обратит на себя ваше внимание, потому что и он имеет в себе некоторые особенности. На той стороне его, что обращена к могильной насыпи, в центре соединения продольного дерева с поперечным устроено из жести небольшое углубление, в котором стоит и теплится лампада. Лампадное масло нередко проливалось из лампы и оставило заметные следы на кресте до самого его подножия. На оборотной стороне креста – икона Усекновения главы Иоанна Предтечи на жестяной доске, а на другой жестяной же доске, установленной над первой, надпись. Прочитайте ее и узнаете, кто покоится под этим крестом с лампадой и под этой могильной земляной насыпью с узелками.

Немая земляная насыпь и безмолвный крест не скажут вам об Иоанне Босом ничего более, но больше скажут вам о нем те живые личности, которые не замедлят прийти к могиле, у которой вы стоите. Вот идет какая-то женщина-старушка. Подошла к могиле, перекрестилась несколько раз, набожно поцеловала крест с одной и с другой стороны и икону Усекновения. За нею подошли другая, потом третья, еще несколько, все из мещанского сословия, в возрасте от 30 до 60 лет. Некоторые из подошедших женщин только крестятся, а некоторые бьют земные поклоны и целуют могильную насыпь. Вы снова смотрите по направлению к могильной насыпи, и вам покажется, что она сделалась такою приглаженною от того, что набожные женщины, часто опираясь на нее своими руками, целуют ее землю.

– Кто такой был Иоанн Босый? – спрашиваете вы у набожных женщин.

Это был юродивый и прозорливый странник, – отвечают вам женщины. – Странствовал он всегда босыми ногами и летом, и зимой. Принимая милостыню, он сберегал ее только до ближайшей субботы, чтобы можно было устроить обед для любимых им странников и нищих, а не то и прямо раздавал ее тем же самым нищим. Больше он молчал, чем говорил; но если обращался кто к нему за наставлением, он наставлял обращающегося покаянию и жизни благочестивой. Придет, бывало, к нему кто-нибудь, Иоанн Босый тотчас назовет его по имени, хотя бы в первый раз его видел, узнает, что побудило его прийти к нему, и предложит наставления и советы. Помогал угодник Божий и в болезнях, и будущую судьбу человека предсказывал. Отпуская приходящих, он давал им на благословение маленькие кипарисные крестики или другое что, смотря по тому, какая судьба ждала отпускаемого. А иногда и ничего не давал. Это в том случае, если приходивший к нему был человек злой, лукавый и приходил не за наставлением, но

чтобы искушить подвижника. Зная душу человека, он узнавал подобных людей и вместо наставления и кипариснаго крестика, бывало, накричит на них и выгонит поленом или палкою из своей кельи. <...>

Киевские священные места, и в особенности Киево-Печерская Лавра с ее многочисленными святыми подвижниками, влияя в продолжение целых столетий на православных киевлян, образовали, воспитали и упрочили в их уме ту общую идею, которая служила им всегда руководящим светочем в сфере явлений религиозно-нравственной жизни. И в настоящее время эта идея поддерживается, уясняется и оживляется теми же самыми средствами, которые ее образовали, воспитали, и не иначе как с самым живым интересом относятся ко всем явлениям, имеющим на себе оттенок христианского подвижничества. Пред глазами набожных киевлян встал человек, непохожий на обыкновенных людей; он носит вериги, ходит всегда босый, исцеляет болезни, нестяжателен, прозорлив – что это за явление? Отвечая на этот вопрос, набожный народ производит сближение между общим исторически выработанным взглядом на христианское подвижничество и частным, современным ему явлением.

– Что это за узелки здесь? – продолжаете вы спрашивать набожных женщин.

– Иоанн Босый, – ответят вам, – помогает от лихорадки. На кого нападает эта болезнь, тому нужно прийти сюда, взять в узелок земли и повесить его на шее, а оставит болезнь, снова нужно прийти сюда и бросить узелок на могилу. Вместе с узелком надо принести лампаднаго масла по состоянию или денег на масло пожертвовать что-нибудь.

– Сколько дней нужно носить узелок?

– Три дня.

Спустя недолго, вдали покажется какая-то женщина, которая как будто пробирается к Иоанну Босому и как будто уклоняется в сторону. Она уклоняется в сторону и остановилась пред какою-то могилою, потом другою, третьею и стала креститься. Миновав затем много других могил и крестов, она уже прямо идет к Иоанну Босому. Для нее нет более знакомых на кладбище, кроме отца и матери, брата и сестры (это она пред их могилами только что молилась) и Иоанна Босого.

– Зачем это, бабушка, вы молитесь над могилой Иоанна Босого?

– Надо молиться, мой друг, потому что он за нас молится.

– И от лихорадки он помогает?

Посмотрела бабушка с минуту и сказала протяжным голосом:

– Вы бы потрудились прийти сюда весной, когда богомольцы приходят в Киев из далеких сторон, и увидели бы тогда, сколько народу здесь бывает и сколько земли разбирают, так что сторожу раза два и три на лето приходится оправлять могилу. Многим, многим помогает Иоанн Босый...

– Сколько же времени нужно носить узелок?

– Двенадцать дней. Но прежде чем повесить его, нужно “смерять” (обвить) ниткой икону Усекновения, вот эту, что здесь на кресте (день Усекновения, заметила при этом бабушка, – день Ангела Иоанна Босого), и на той самой нитке, сколько ей придется, носить узелок.

Снова перекрестилась бабушка, поцеловала крест и пошла своей дорогой. За нею подошла к могиле Иоанна Босого еще одна женщина.

– Скажите, пожалуйста, долго ли нужно держать на шее узелок с землею, чтобы бросила лихорадка?

– До тех пор нужно держать, пока не бросит.

– От лихорадки ли одной он помогает или и от другого чего-нибудь?

– И от лихорадки помогает, и от “всякой болезни и напасти”. И опять увязывается на то, что много народу сюда приходит.

Узелок с землею нужно носить “три дня” – по одному источнику, по другому – “двенадцать дней”, по третьему – “до тех пор, пока не бросит”. Нужно повесить узелок на нитке какой бы то ни было, говорят одни, другия же присовокупляют к этому следующее условие: “нужно повесить узелок на той самой нитке, которою обведена была икона Усекновения”. Узелок с землею “помогает от лихорадки”, слышится с одной стороны, и “от лихорадки и от всякой болезни и напасти”, слышится с другой. Такова сила авторитета, произшедшаго через сближение исторически выработанной идеи о высоком значении христианского подвижничества с явлением человека особенного по своей жизни и деятельности. Общественное мнение данной среды обращается в пользу этого особенного явления и затем сообщает тон и направление и всем частным явлениям, соприкасающимся в том, которое послужило основанием для первоначального образования авторитета.

Вот кучка мальчиков-мещан направляется к могиле Иоанна Босого. Дети перегоняют друг друга, подняли крик, и в крике слышится имя Иоанна Босого. От кого они узнали об этом человеке? От кого же, если не от бабушек своих, но бабушки заявляют о своих внуках, что они нередко с могилы Иоанна Босого таскают деньги и обращают их на свои потребности (некоторые из выздоравливающих бросают деньги на могилу или кладут в то помещение, где стоит лампада, некоторые же отдают свои пожертвования в руки кладбищенского сторожа).

За детьми подошли к Иоанну Босому какие-то два великороса средних лет. Они, почти что не перекрестившись на могиле, начали читать известную уже нам надпись. Не спрашивайте их ни о чем, касающемся обстоятельств жизни Иоанна Босого, они не знают ничего больше, кроме того, что содержится в надписи... Впрочем, и им известно, что Иоанн Босый помогает от лихорадки.

За двумя великоросами пришел еще один великорос лет 29, из рабочих, на лице желто-бледный, с тусклыми глазами и до такой степени обессиленный лихорадкою, что едва волочит ноги. Он подошел к могиле Иоанна Босого, бросил узелок с землею и одну копейку (именно одну), стал креститься и шептать какую-то молитву.

– А что, парень, помогло тебе?

– Да, раз бросила, недели две тому назад, потом дня через два опять напала, теперь снова бросила...

– Сколько раз приходилось тебе брать здесь землю? Два раза?

– Нет, один раз всего.

– Где же ты держал узелок в те два дня, когда не было лихорадки? По-прежнему носил его или нет?

– Носил все время.

– А что будешь делать, если лихорадка снова возвратится к тебе? Опять придешь сюда за землею?

– Приду.

Неверующий в этих знаках уважения к памяти благочестивого подвижника признает только суеверие. Человек верующий видит здесь проявление народной веры и благодатную помощь Божию, по молитвам Его снятых угодников, подаваемую чрез некоторые видимые посредства и исполнение обещания Спасителя: по вере нашей будет нам (Мф. 9, 29). И. Максимович» [6].

Эта статья слово в слово перепечатана в газете «Киевлянин», только после слова «прииду» добавлено следующее:

«Прочитав в “Епархиальных ведомостях” статью, извлечение из которой приведено нами, мы невольно подумали:

Суеверие ли это или вера – во всяком случае, эти простодушные поклонники Иоанна Босого гораздо более понятны и заслуживают уважения, чем настоящие правители Франции, руководящие Лурдскими пилигримистами: первые добросовестны, а последние – просто эксплуатируют религию народа.

Пишущий сии строки, по случаю погребения на Щекавице некоторых мертвецов, умиравших в странноприимнице Киево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, не раз бывал и у могилы Иоанна Босого, и каждый раз замечал, что над могилой Иоанна Босого насыпи или совершенно не было, или же была некоторая часть оной – приходившие почитатели Иоанна Босого к могиле по горсти землицы из его могилы уносили в свои дома.

Замечал один и тот же деревянный четырехаршинный крест, окрашенный зеленой краской. На восточной стороне сего креста изображено не в малом виде распятие Господа Иисуса Христа. В конце правой руки Его, распростертой на кресте, изображен лик Матери Божией в круге, у левой руки Спасителя изображен лик святого Апостола Евангелиста Иоанна Богослова. С западной стороны на сем кресте пригвождена на перекрестья жестяная доска длины в 3/4 аршина, ширины в 2/4 аршина, на которой изображено усекновения честныя главы святого Иоанна Крестителя Господня.

В таком виде, когда я только ни был на Щекавице, всегда заставал могилу Иоанна Босого и крест, над ней стоящий.

Когда я кончал статью об Иоанне Босом, пришла мысль посетить теперь могилу Иоанна Босого и узнать, в каком она теперь находится положении и крест.

С этой целью отправился я к могиле Иоанна Босого 16 марта 1872 г. И только что вступил в Щекавицкое кладбище через большия ворота кладбища, как встретился со мной причетник Щекавицкой церкви, при которой он уже служит 16 лет. Сего причетника я пригласил с собой идти к могиле Иоанна Босого. Мы поворотили от кладбищенских ворот к западной части Щекавицкаго кладбища и шли почти под самой оградой кладбища по дороге, не шире сажени, – шли между могилами по обеим сторонам дороги. Прошедши по сей дороге в одном направлении около 40 сажень, вдруг заметил я проторную дорожку на правую сторону между могилами же. Видя сию дорожку, спросил я провожающаго меня причетника: куда ведет эта дорожка? – Причетник ответил: “К могиле Иоанна Босого, она сделалась протоптаною от приходящих к могиле Иоанна Босого его почитателей. В весеннее и летнее время таковых почитателей иногда приходят сотни. Они, помолившись над могилой Иоанна Босого о упокоении души его, каждый берет с могилы его по горсти землицы и уходят восвояси. Жители г. Киева берут

ее от лихорадок, а в прошлом 1871 году, когда в Киеве свирепствовала холера, брали землю с могилы Иоанна Босого, как предохранительное средство от ней. В весеннее и летнее время я с могильщиками делаем над могилой Иоанна Босого немалые земляные насыпи и окладываем оную дернами, смотри – через несколько времени их и не станет – посетители могилы уносят землю”.

Через три минуты после сего рассказа мы уже стояли у могилы Иоанна Босого. Когда я посмотрел на могилу, на ней не было никакой насыпи. Около могилы Иоанна Босого во все четыре стороны сплошь да рядом было видно бесчисленное множество могил, обложенных дерном; могилы сии уже покрывала весенняя зеленая травка и весенние молодые цветочки, а на могиле Иоанна Босого ничего не росло от ежедневного уменьшения земли от ее посетителей.

Когда я посмотрел на крест, стоящий над могилой Иоанна Босого, то заметил некоторое добавление на оном против прежнего, именно, с восточной стороны пред ликом распятого Господа Иисуса пригвожден ко кресту жестяной фонарь в стеклах, в нем утверждена лампада, которая теплится во все субботы, воскресные, Господские и Богородичные дни, по словам причетника, около меня стоявшего. Когда я спросил сего причетника, на чей счет покупается масло для лампады, он отвечал, что жители г. Киева приносят масло и отдают мне для оной лампады, и столько приносят, что не только достаточно онаго для лампады над могилой Иоанна Босого и для лампады Щекавицкой церкви, но еще каждого остается его около двух пудов» [5].

По поводу статьи об Иоанне Босом, помещенной в «Киевлянине», Аскоченский, редактор журнала «Домашняя беседа», об Иоанне Босом отзывается так:

«Несколько слов пробудили во мне воспоминания об этом удивительном человеке, истинном подвижнике и теперь уже неземном молитвеннике за нас грешных. В первый раз мне удалось увидеть его в начале 1843 года зимой. Я тогда был еще студентом. Не помню хорошо, в какой именно день отправился я в Лавру к обедне; холод был нестерпимый; я шел, закутавшись как можно плотнее в шинель, и учащал мои шаги, чтобы согреться. Гляжу, на подъеме Александровской горы, находящейся тогда в первобытном состоянии и крепко напоминавшей собою Кавказ с его стремнинами и провалами, бежит какой-то господин, довольно плотного сложения, лет так сорока. Он был без шапки, в легком халате, простирившимся до пят; на ногах его не было ни сапог, ни даже каких-либо чулков. Господин этот гнал пред собой деревянный шар величиною в небольшой арбуз, который скатывался вниз и доставлял немало хлопот тому, кто подгонял его. Удивленный таким явлением, я невольно остановился. “Чего ты стал?” – сказал Босой, взял в руки непослушный шар. “Иди вперед, вперед, вперед! Видишь, шар то твой валится назад, как не стараешься; а ты все-таки толкай его вперед!”.

Недовольный такою фамильярностию, я, плотнее завернувшись в шинель, пошел быстро от моего нежданного собеседника.

– Ты не спеши, раб Божий! Шар то возьми с собой, ведь тебе приказано гонять его. Куда ты идешь? – сказал Босой, поравнявшись со мной.

– В Лавру, – отвечал я.

– Вот и хорошо – ты в Лавру, и я в Лавру. Давай же вместе подгонять шар. И, бросив свою игрушку, он принялся подталкивать ее. С Крещатика подъем сделался круче, и

я опередил своего спутника, который гонялся за своим шаром, скатывавшимся вниз. Возвратившись в академию, я рассказал о встрече моей товарищам и узнал от них, что спутник мой был известный всему Киеву юродивый Иоанн Босой.

Недели чрез две случилось мне быть в Михайловском монастыре. Отслушав обедню в домово́й архиерейской церкви, я проходил мимо подъезда келий, занимаемых владыками. Гляжу, стоит Босой и с комически-гордым видом оделяет нищих деньгами, кусками хлеба, а иным показывает шиш. Заметив меня, он подскочил ко мне и, подавая какую-то монету, сказал: “Вот и тебе, раб Божий! Возьми, дружок, возьми, тебе деньги надобны”.

– На табак что ли? – сказал я с насмешкой (Никогда не прощу себе этой глупой студентской выходки!).

Иоанн Босой сплюнул.

– И без табаку будет у тебя горько во рте, – сказал он, отдавая монету какой-то подошедшей женщине. – Возьми, старица, – прибавил он, – и помолись за него дурака!

Оскорбленный таким названием, я чуть не выругал навязчивого моего благодетеля, а он, захохотав мне вслед, закричал: “Пожалеешь, брат, о моей копеечке!”.

Прости меня, подвижник Христов, отринутая мной копеечка твоя стоила мне тысячи скорбей в малой и злой моей жизни!..

Потом, не помню уже когда именно, но только летом встретил я Иоанна Босого на Плоском.

Это была пора самых пламенных юношеских моих мечтаний и надежд.

Пользуясь вниманием одной достойнейшей девицы, которая, по неисповедимым судьбам Промысла Божия, стала потом моей женой, счастливый и беззаботный, шел по улице, чуть ли даже не напевая что-то. Вдруг на самом повороте улицы к Щекавице саженною палкою, на которой привязан был огромный букет простых полевых цветов, перемешанных с бурьяном и крапивой, очутился предо мною Иоанн Босой. – “Здравствуй, приятель, – сказал он, подходя ко мне. А я был... (тут он назвал имя девицы, о которой я мечтал)”. “Как же ты ее знаешь?” – спросил я с непритворным изумлением.

– Вона! Кого я не знаю! Бедненькая! Повянет все, все у ней повянет. (Жена моя умерла чрез два года потом в лютой чахотке). На-ка вот и тебе цветочек!

– На что они мне?

– Я сам знаю, что не нужны, да возьмешь, возьмешь! За третьим сам пойдешь

– Сумасшедший! – сказал я, отходя от него с досадой. Невеселое настроение моего духа исчезло, я пошел тихо и скромно, за мной гнался раздражающий смех юродивого.

После этого я уже не видел Иоанна Босого. Прошло несколько лет, пошатавшись по свету и убоявшись бездны канцелярской премудрости, я возвратился вспять к моим пенатам, моим ученым занятиям, моей любимице литературе.

В 1852 г. я был уже в Киеве. Как-то между разговорами я узнал от моего доброго хозяина, когда-то евшего со мною одну академическую кашу, что Иоанн Босой умер. Подробности подвижнической жизни этого необыкновенного человека сильно заинтересовали меня. Не оставляя трудного подвига юродствования, Иоанн Босой приютился под церковью святого Андрея Первозванного в огромной нежилой зале,

служившей как бы фундаментом дивному зданию знаменитаго архитектора Растрелли. Зала эта замечательна, между прочим, тем, что в ней содержался некоторое время пленный Фрезером Костюшко – предводитель польских конфедератов. Теперь эта зала, старанием известного нашего писателя Андрея Николаевича Муравьева и по благословению Высокопреосвященнейшаго Арсения, Митрополита Киевского, обращена в церковь во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца. В этой-то зале Иоанн Босой открыл странноприимницу. Сам, без всяких средств, живущий только о имени Христовом, вменивший в улики все сокровища мира, подвижник собирал целые толпы странников, так что в иную пору число их простиралось у него до 200 человек. Он предлагал им трапезу, беднейших оделял деньгами и сам вызывался быть их путеводителем по святым местам Русского Иерусалима. В приобретении средств для содержания своей странноприимницы Иоанн Босой употреблял очень простой способ: он прямо являлся к более зажиточным из киевлян и настоятельно требовал того или другого для своих дорогих гостей, – и никто не отказывал ему в этом. Главным помощником его в этом святом богоугодном деле был тогдашний гражданский губернатор И.И. Фундуклей, к которому Иоанн Босой имел беспрепятственный доступ и называл казначеем своей странноприимницы. Молва о благотворительности Босого разнеслась по России, и он стал отовсюду получать приношения, давшие ему полную возможность поддерживать богоугодное заведение. Между тем Иоанн Босой оставался тем же босовиком; на него, казалось, не действовали ни лютые морозы, ни удушающий жар; всегда веселый и, по видимому, беззаботный, он ходил днем по святым местам Киева, а ночью предавался молитвам и богомыслию. Мне рассказывали, что в комнате было постоянно душно от прилива посетителей, желавших поклониться усопшему, не слышно было от него ни малейшаго запаха. “За гробом его, – пишут в “Киевлянине”, – шли тысячи народа, и слышен был плачь беспомощных, лишившихся в нем своей опоры”.

Вследствие прошения Аскоченскаго к тем, “кто ближе знал Иоанна Босого, сообщить о нем подробнейшие сведения”, один г. С. Ж-н писал к Аскоченскому письмо, в котором, между прочим, пишет об Иоанне Босом следующее: “Обошедши все святые и достопримечательные места Киева, я припомнил ваши слова, обращенные ко всем киевлянам и гостям киевским касательно недавно скончавшагося подвижника Иоанна Босого, и пожелал поклониться хоть могиле его. Многих расспрашивал и о жизни этого неразгаданного человека, и все единословно отвечали мне, что он был именно святой жизни, что молитвами его многие получают исцеление от разных болезней, и что презревший при жизни своей все обольщения мира, видимо прославляется ныне пред Богом и людьми. Мне сказали, что могила Иоанна Босого находится на Щекавице и я, улучив свободное время, отправился туда. Неизъяснимое чувство объяло мою душу при взгляде на эту необозримую Иосафатову долину вековечнаго Киева: это не была скорбь, не был ужас, а какое-то сладостное томление, выжимавшее из груди слезы и выражавшееся тихою безмолвною молитвою. ...Пересмотрев множество памятников, перечитав сотни надписей, я не находил того, чего искал. С грустью оставил я кладбище, жалея о безуспешности моих поисков. Вдруг в сторонке увидел я старушку, сидевшую на зеленеющей могиле. Согретая лучами летнего солнца, она спокойно дремала. Я не хотел тревожить ее, и в ожидании ее пробуждения я уселся напротив ее на могильном камне.

Вокруг меня все дышало таким миром и тишиною, таким невозмутимым безмолвием, и при всем том так внятно говорившим сердцу, что я забыл и про цель моих исканий, и про старушку, и даже о себе самом. Лишь одна мысль объяла все чувство мое: перст есмь, перст есмь, повторяло какое-то смиряющее чувство внутри меня, и слезы неслышно лились по щекам моим. Старушка чрез несколько времени проснулась.

– Бабушка! – сказал я, – не знаешь ли ты могилы Иоанна Босого?

– Босенького-то! – отвечала она, поднимаясь с могилы. – Как не знать, родимый!

Пойдем со мной. Да ты зачем к нему – по болезни что-ли какой или так, по-родственному?

– Нет, бабушка, по усердию.

– Спаси тебя, Господи.

– А не знаешь ли ты, старушка, про Иоанна Босого? – спросил я, идя с нею рядом. – Или, по крайней мере, не слыхала ли чего?

– Как не слыхала, батюшка. Я и сама близко его знала. Да и кто его не знал из нашей бедной братии? Это был, родимый ты мой, человек блаженный. Все летушко и зимушку ходил он босенький. Кормилец наш был, царство ему небесное! – говорила она, набожно крестясь.

– Кормилец? – Кормилец, батюшка! Бывало, наберет нашей братии, бедненьких-то, – он жил тогда в церкви Андрея Первозванного, – много наберет нас, да и любил же он нас, сердечный, Царствие ему Небесное! Наберет, говорю, да и станет кормить нас. Отрежет тебе вот такую скибушку хлеба (старушка показала размер руками) и ложечки четыре борщику нальет да и скажет: “Ешьте во славу Божию, дорогие гостеньки! Чем богат, тем и рад”. А вот денег не любил давать. Попросишь, бывало: “Босенький! Дай ты мне копеечку!”. А он тебе кукиш покажет: “На что, скажет, тебе нужны деньги. Ты милости проси у Бога вот так: хлеб наш насущный даждь нам днесь. Тут о деньгах нет ни слова. Ну, так ты и не проси их”. А умирал-то, сердечный, как чисто праведник! Сам митрополит был при его смерти. “Где тебя похоронить, Босой? – спросил он его. – Я тебя, говорит, в Лавре схороню”. “И, нет, не надо! Похорони меня на Щекавице, там между братией моей, между друзьями моими, поближе к бедненьким-то”. Вот тут его и похоронили, вот тут он и спит, родимый наш.

Я взглянул на показанную мне старушкой могилу. Она вся была взрыта и, как заметно, руками. На могиле водружен большой деревянный крест с изображением на одной стороне Распятия, а на другой – Усекновения главы святого Иоанна Предтечи. Крест этот, по словам старушки, сооружен усердием киевлян, чтущих донныне память праведника, но жаль, что нет на могиле хоть какой-нибудь самой скромной надписи, тем более, что, как говорила старушка, не проходит того дня, чтобы не было кого здесь или так, по усердию, или по поводу какой-нибудь болезни. “Видишь ли, батюшка, могила-то вся взрыта. Уберут ее голубушку, обложат и травушкой, и цветочками, а на другой день – гляди, опять взрыта. Это, родимый ты мой, значит, что народу-то много приходит к Босенькому: землю берут и с верою в молитвы его у Господа исцеление получают, больше все от лихорадки”.

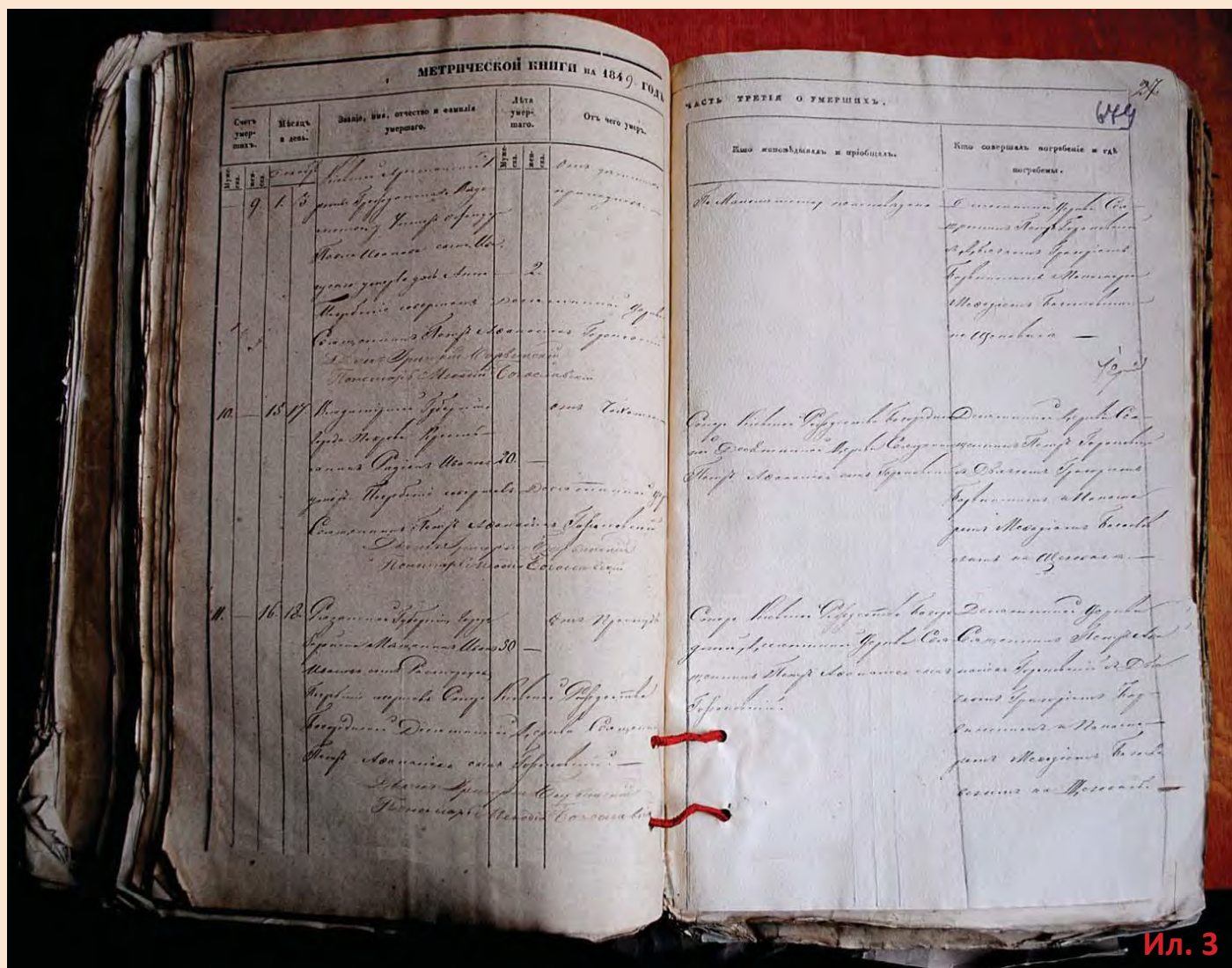
Взял и я себе землицы с могилы праведника, прося его молитв и заступления пред Богом, которому предстоит он ныне в лике праведных» [4, с. 144–149].

В годы безбожной советской власти массовое почитание Иоанна Босого прекратилось. В 1935 году в генеральный план застройки Киева был внесен пункт о преобразовании многих киевских холмов, в том числе и горы Щекавицы. Церковь на честь Всех Святых и большую часть кладбища, кроме старообрядческого и мусульманского участков, снесли. Честные останки Иоанна Босого перенесли на старообрядческий участок Щекавицкого кладбища. Несмотря на богоборческую власть, благочестивые киевляне чтили и чтят память этого великого и дивного подвижника. По свидетельству работника Щекавицкого кладбища Евгения Федоровича Кушнирова, к могиле Иоанна Босого и ныне приезжают не только киевляне, но и люди из других городов, чтобы помолиться великому праведнику и получить исцеление по его молитвам и предстательству у Престола Божьего.

В 2005 году на месте фундамента Десятинной церкви был образован малый Десятинный храм в честь святых равноапостольных князя Владимира и княгини Ольги. В 2009 году решением Священного Синода Украинской Православной Церкви было принято решение открыть на этом месте монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. После прославления преподобного Вонифатия (о котором идет речь в труде иеромонаха Евстратия (Голованского)), братия монастыря узнала о том, что учителем святого Вонифатия был прихожанин Десятинной церкви Христа ради юродивый Иоанн Босой. Особое почитание и дальнейшие исследования жизни подвижника были предприняты после такого случая. Иоанн Босой явился во сне наместнику Десятинного монастыря архимандриту Гедеону (Харону) ранним утром в день празднования Похвалы Божией Матери. По свидетельству наместника, подвижник стоял возле панихидного стола и был в окружении множества народа. На слова наместника «Здесь у нас Иоанн Босой!», подвижник ответил^ «Да, да, батюшка, я тут! Я всегда здесь!». Наместник проснулся в восхищении и оповестил об этом братии и прихожанам монастыря. По окончании Божественной Литургии все поехали на Щекавицкое кладбище, где была отслужена панихида на могиле праведника, дивным образом напомнившего о себе. Особо ценен тот факт, что явление во сне было явным, и архимандрит Гедеон очень хорошо запомнил, как выглядел подвижник. «Я бы узнал его из тысячи: довольно высокого роста, мощного телосложения, возрастом около 50 лет, седой, внешне похож на преподобного Серафима Саровского, но не сторбленный; одет в длинную простую рубаху, на шее из-под одежды были видны цепи»⁴. Удивительно, что на тот момент архимандрит Гедеон не был широко ознакомлен с житием Иоанна Босого, и ему не было известно о том, что подвижник носил вериги. По благословию Блаженнейшего Владимира, Митрополита Киевского и всея Украины, Предстоятеля Украинской Православной Церкви в Рождества Пресвятой Богородицы Десятинном мужском монастыре была создана комиссия, во главе с архимандритом Гедеоном, по подготовке к канонизации Ивана Ивановича Расторгуева – Иоанна Босого.

⁴ Из слов наместника Рождества Пресвятой Богородицы Десятинного мужского монастыря г. Киева Украинской Православной Церкви архимандрита Гедеона (Харона).

Ил. 3

Литература и архивные источники

1. Берлинский М.Ф. История города Киева. – К., 1991.
2. Главное архивное управление Рязанской области. «Государственный архив Рязанской области» (ГКУ РО «ГАРО»). – Архивная справка № ТЦ-2929 от 16.01.2013 г.
3. Державний комітет архівів України. Центральний державний історичний архів України. м. Київ. – Архівна довідка про смерть Расторгуєва І. І. – № 02-1322 від 25.10.2012 р.
4. Евстратий (Голованский), иеромонах. Старец Вонифатий и его поучения. Духовные наставления основателя и строителя монастыря в Феофании города Киева игумена Вонифатия и его наставника юродивого Ивана Босого. – К. : Свято-Пантелеймоновский монастырь, 2010.
5. Киевлянин. – 1873. – 29 ноября. – № 142.
6. Киевские епархиальные ведомости. – 1878. – 16 ноября. – № 22.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1904. – Т. XLI.